

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО
МИРОТВОРЧЕСТВА

мировая гармония

ДАРЬЯ КОРЯКИНА

Дарья Корякина

Философия сознательного миротворчества: Мировая гармония

<https://litres.ru/74018979>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор — философ и практик сознательного миротворчества — предлагает радикально иной взгляд на устройство мира: не утопию без маршрута, а чёткий чертёж перехода от геополитики страха к архитектуре дружественных суперсил.

Книга строится на одной смелой идее: государство ведёт себя как личность. Оно боится, защищается, мстит, ищет признания — и значит, исцеляется по тем же законам, по которым исцеляется человек. Автор переводит психологию трансформации на язык международных отношений, создавая метасистему, в которой каждая страна не конкурент и не угроза, а носитель уникальной суперсилы — особого дара, способного обогатить всё человечество.

Это не политическая программа и не академический трактат. Руководство — для тех, кто готов сделать свой шаг к иному миру прямо сейчас, на своём уровне ответственности.

Пророчество освобождает от ответственности, описывая неизбежное. Руководство возлагает ответственность, описывая возможное.

Содержание

Краткое предисловие автора	5
Введение. Мировая гармония как инженерная задача сознания	7
Часть I. Диагностика старой архитектуры	10
Часть II. Метасистема мировой гармонии	15
Часть III. Глубокий анализ суперсил	19
Часть IV. Практическое пособие для лидеров и культурных архитекторов	25
Часть V. Атлас стран мира	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Корякина

Философия сознательного миротворчества: Мировая гармония

Краткое предисловие автора

*От старой геополитики страха к новой
архитектуре дружественных суперсил*

Напомню, что как и любая иная книга моего авторства подобного рода, данная является прототипом архитектуры, направлением мысли, вектором. То есть помогает понять, что и как делать.

Но она не является калькой или 100%-достоверной документацией. Всегда можно начать делать хоть что-то в верном направлении, и далее по мере поступления объективных данных от реальности, адаптировать модель. В подобном взаимодействии и рождается итоговая версия, которая будет существовать, возможно, века или хотя бы десятилетия.

Книгу я написала из убеждения, что мир способен быть

устроен иначе, и что иной порядок не нуждается в чуде. Он нуждается в работе сознания и в людях, готовых её выполнять.

Я долго занималась философией сознательного миротворчества как практикой внутренней целостности человека. Постепенно мне стало ясно, что та же логика применима к стране и к человечеству в целом. Государство ведёт себя как личность: оно боится, защищается, мстит, гордится, ищет признания. Значит, и исцеляться оно способно по тем же законам, по которым исцеляется человек.

Я собрала эту работу не как политическую программу и не как утопию. Утопия описывает совершенный мир и молчит о том, как в него попасть. Я предлагаю обратное: чертёж перехода, в котором каждый шаг можно сделать уже сейчас, на своём уровне ответственности.

Введение. Мировая гармония как инженерная задача сознания

Словосочетание «мировая гармония» обычно звучит как пожелание, вышитое на подушке. Оно вызывает улыбку у людей дела, потому что за ним не стоит ни механизма, ни чертежа, ни сроков. Я предлагаю вернуть этому выражению точность. Мировая гармония не настроение и не лозунг. Перед нами инженерная задача, решаемая средствами сознания.

Инженер не спрашивает, красива ли мечта о мосте. Он спрашивает, какие нагрузки мост выдержит, из чего его строить и в каком порядке возводить опоры. Тот же трезвый вопрос я задаю относительно мира между странами. Не «хорошо ли, чтобы народы дружили», а «какая архитектура отношений делает вражду невыгодной, а сотрудничество естественным».

Различие между красивой глобалистикой и подлинной мировой гармонией принципиально. Глобалистика мечтает стереть различия и свести человечество к единому стандарту потребления и управления. Такая мечта пугает народы справедливо, потому что обещает им раствориться. Мировая гармония в моём понимании движется в противоположную сторону. Она усиливает различия, превращая каждую

самобытность в вклад, а не в угрозу.

Однообразие хрупко. Разнообразие устойчиво. Чем больше у человечества несхожих культурных моделей, тем больше у него запасных решений на случай ошибки.

Сознание здесь главный материал. Войны начинаются не на границах, а в голове, задолго до первого выстрела, в тот момент, когда другой народ перестаёт восприниматься как субъект и превращается в фон, в препятствие, в ресурс. Архитектура мировой гармонии работает прежде всего с этим внутренним переключателем. Она меняет не карту, а способ смотреть на карту.

Я выстроила книгу как восхождение. Сначала диагностика старой архитектуры, в которой мы живём. Затем описание метасистемы, способной её заменить. Далее разбор суперсил, которыми обладает каждая страна, и практическое пособие для тех, кто эти суперсилы хранит и развивает. Сердцем книги служит атлас, где для каждой страны мира я обозначаю её самобытность, силу и роль в общем переходе. Завершают работу главы о человеке, о внутренней психоархитектуре мира, об антивоенной технологии перехода и о дорожной карте воплощения.

Прошу Вас читать эту книгу не как пророчество, а как руководство. Пророчество освобождает от ответственности, потому что описывает неизбежное. Руководство, напротив, возлагает ответственность, потому что описывает возможное. Мировая гармония возможна. Будет ли она построена,

зависит в том числе от Вас.

Часть I. Диагностика старой архитектуры

Прежде чем строить новое, честный архитектор изучает грунт и трещины в прежнем здании. В этой части я разбираю несущие конструкции старого мирового порядка. Все они держатся на одном фундаменте, на страхе, и потому рушатся вместе, как только страх перестаёт быть главным двигателем поведения.

Страх как несущая конструкция

Старая архитектура отношений между странами выросла из выживания. Когда ресурсов мало, а сосед непредсказуем, разумной стратегией кажется опередить, накопить, вооружиться. Тысячелетиями страх служил надёжным советчиком, и было бы высокомерием его презирать. Беда в том, что советчик пережил свою эпоху. В мире, где главные богатства создаются знанием, доверием и связями, а не отнимаются силой, страх ведёт к решениям, разрушающим самого носителя страха.

Страх обладает коварным свойством. Он оправдывает себя задним числом. Государство, опасаясь соседа, вооружается, сосед в ответ вооружается тоже, и первое государство

торжествующе указывает на растущую угрозу как на доказательство своей правоты. Так страх создаёт реальность, которую сам же предсказывал. Разорвать этот круг логикой внутри него невозможно. Требуется выход в иную точку зрения.

Граница как психологическая броня

Граница выполняет две разные работы, которые мы привыкли путать. Первая работа законна и необходима. Граница очерчивает пространство ответственности, в пределах которого действуют общие законы, язык, забота. Вторая работа болезненна. Граница превращается в броню, в стену, призванную защитить хрупкую идентичность от соприкосновения с миром.

Брони требует только то, что ощущает себя слабым. Народ, уверенный в своей самобытности, не нуждается в стене, чтобы оставаться собой, потому что носит свою культуру внутри, а не на рубежах. Чем громче государство настаивает на неприкосновенности границ как на главной ценности, тем вернее это говорит о незажившей травме идентичности, а не о силе.

Конкуренция и логика нулевой суммы

Старый порядок мыслит мир как игру с нулевой суммой.

Выигрыш одного означает проигрыш другого, пирог конечен, и за каждый кусок приходится бороться. Эта картина была отчасти верна в эпоху аграрной экономики, где богатством служила земля, а её количество не менялось.

Современная экономика опровергает эту картину ежедневно. Знание, поделённое с другим, не убывает, а растёт. Технология, переданная соседу, открывает рынок, которого без соседа не существовало бы. Доверие между странами создаёт ценность из воздуха, снижая издержки на охрану от взаимного вероломства. Мир давно стал игрой, где сумма взаимных выигрышей многократно превосходит сумму потерь от вражды. Однако мышление осталось в прежней эпохе, и в этом разрыве между реальностью и привычкой коренится большая часть бессмысленных конфликтов.

Имперский код

Имперский код предписывает измерять величие страны размером её тени над другими. Чем больше тех, кто вынужден считаться с волей империи, тем выше её самооценка. Код этот соблазнителен, поскольку даёт быстрое чувство значимости, и разрушителен, поскольку привязывает самоуважение народа к зависимости и страху чужих народов.

Имперский код истощает прежде всего саму империю. Содержание тени стоит дорого, а тень не производит ни смысла, ни любви, ни творческого вклада. История знает

множество империй, надорвавшихся под весом собственного величия. Альтернатива коду не в унижении и не в распаде, а в смене меры. Величие страны разумнее измерять не размером тени, а силой её дара миру.

Травма идентичности

Многие народы несут незажившие раны: завоевание, колониализм, геноцид, утрата языка, унижение. Травма не исчезает оттого, что о ней предпочитают молчать. Она уходит вглубь и оттуда диктует поведение, заставляя народ либо вечно защищаться, либо вечно доказывать своё превосходство. И защита, и реванш суть две стороны одной непереработанной боли.

Исцеление травмы идентичности не означает забвения. Оно означает интеграцию, при которой рана становится частью истории, а не вечно кровоточащим настоящим. Народ, переработавший свою травму, перестаёт нуждаться во враге для самоопределения. Он способен признавать собственные тёмные страницы без саморазрушения и чужие достижения без зависти.

Бинарное мышление как корень

Под всеми перечисленными конструкциями лежит общий

корень, привычка делить мир надвое. Свои и чужие, прогрессивные и отсталые, цивилизованные и варвары, правые и виноватые. Бинарное мышление удобно, поскольку освобождает от усилия понимания. Достаточно отнести явление к одному из двух ящиков, и думать дальше необязательно.

Расплата за это удобство высока. Деление надвое не описывает реальность, а упрощает её до карикатуры, и затем заставляет действовать сообразно карикатуре. Выход состоит не в том, чтобы объявить все различия иллюзией. Выход в метапозиции, точке зрения, с которой оба полюса противоречия видны как части большего целого. Метапозиция не размывает различия, она вмещает их. Именно эта способность вмещать, а не стирать, отличает зрелое сознание от инфантильного, и зрелую цивилизацию от незрелой.

Часть II. Метасистема мировой гармонии

Старую архитектуру невозможно отремонтировать изнутри её собственной логики, потому что сама логика и составляет проблему. Требуется иная несущая конструкция. Я называю её метасистемой, чтобы подчеркнуть: речь идёт не о новом мировом правительстве и не о слиянии государств, а о надстройке протоколов, которая связывает самостоятельные страны, не растворяя их.

Страна как субъект реальности

Первое основание метасистемы состоит в признании страны полноценным субъектом, а не объектом чужой воли и не пешкой на доске. Субъект обладает внутренней жизнью, замыслом, достоинством. С субъектом договариваются, объект используют. Большая часть унижений в мировой политике происходит оттого, что одни страны привыкли видеть в других объекты.

Признание субъектности взаимно по своей природе. Я не могу требовать, чтобы во мне видели субъекта, и одновременно отказывать в субъектности соседу. Метасистема начинается с этого симметричного жеста, с готовности каждой

страны признать достоинство всех остальных, включая самые малые и самые непохожие.

Суперсила страны

У каждой страны есть суперсила, особое сочетание ресурсов, дарований, истории и духа, которое она способна предложить миру лучше прочих. Суперсила бывает явной, как недра или промышленность, и неявной, как способность к примирению, к счастью, к гостеприимству, к сохранению древнего знания. Неявные суперсилы я считаю не менее ценными, чем явные, а порой и более.

В старой архитектуре суперсила воспринимается как повод для конкуренции и для страха. Сосед, обладающий редким ресурсом, выглядит угрозой или добычей. В метасистеме та же суперсила воспринимается как вклад. Различие не в ресурсе, а во взгляде на него. Книга в значительной мере посвящена тому, чтобы этот взгляд переключить.

Зона трансформации

Зоной трансформации я называю направление, в котором стране предстоит измениться, чтобы её суперсила перестала быть проклятием и стала даром. Страна, живущая продажей сырья, рискует застрять в роли поставщика и заложника цен.

Её зона трансформации лежит в переходе от сырья к смыслу, к переработке, к собственному голосу. Страна, опьянённая имперским величием, преображается, переучиваясь измерять себя вкладом, а не тенью.

Зона трансформации не приговор и не упрёк. Она карта роста, указывающая, куда направить усилие, чтобы самобытность раскрылась полнее. В атласе я обозначаю такую зону для каждой страны бережно, без высокомерия учителя, поскольку и моя страна, и любая другая имеют свою зону роста.

Мостовой период

Между старой архитектурой и новой лежит мостовой период, время, когда прежние коды ещё действуют, а новые ещё не закрепились. Мост опасен тем, что соблазняет вернуться назад при первой же качке. Удержаться на нём помогает ясное понимание, что обратной дороги к устойчивости нет, поскольку старая устойчивость и была источником нынешних кризисов.

В мостовом периоде роли стран различаются. Одни выступают опорами моста, удерживая стабильность. Другие прокладывают настил, создавая новые институты и связи. Третьи освещают путь, давая пример исцелённой идентичности. Атлас распределяет эти роли не как приговор, а как приглашение каждой стране найти своё место в общем строительстве.

WIN-WIN-WIN как новая логика

Старая дипломатия знала формулу выигрыш или проигрыш. Более тонкая знала компромисс, при котором каждый чем-то жертвует. Метасистема предлагает третью логику, при которой выигрывают все участники и сверх того выигрывает целое, не сводимое к сумме участников.

Поясню на простом примере. Страна, богатая солнцем, и страна, владеющая технологией хранения энергии, и страна, нуждающаяся в чистом электричестве, образуют цепочку, в которой каждая получает больше, чем вкладывает, именно потому что участвует. Первый выигрыш достаётся каждому участнику. Второй выигрыш достаётся региону, снизившему напряжённость. Третий выигрыш достаётся планете, уменьшившей выбросы. Три уровня выигрыша из одного согласованного действия, и ни одного проигравшего. В умножении таких цепочек и состоит работа метасистемы.

*Суверенитет без сотрудничества оборачивается
изоляция. Сотрудничество без суверенитета
оборачивается поглощением. Метасистема
открывает третий путь, суверенное сотрудничество.*

Часть III. Глубокий анализ суперсил

Суперсила страны напоминает талант человека. Будучи неосознанным, талант мучает носителя избытком, который некуда деть. Будучи осознанным и направленным на других, тот же талант становится источником признания и радости. В этой части я разбираю десять родов суперсил и показываю, как каждый превращается из повода для соперничества во вклад в общее благо.

Культурная суперсила

Культурная суперсила состоит в способности народа создавать смыслы, образы и формы, которые трогают людей далеко за его пределами. Музыка, кино, литература, кухня, мода переносят ценности мягче любой пропаганды. В старой логике культурное влияние мыслится как экспансия, вытеснение чужого своим. В новой логике оно становится диалогом, при котором обмен образами обогащает обе стороны, а не поработывает слабейшую.

Ресурсная суперсила

Ресурсная суперсила, обладание недрами, водой, плодородием, лесом, чаще прочих оборачивается проклятием. Богатство недр притягивает хищников и развращает элиты лёгкими деньгами. Превращение проклятия в дар требует двух сдвигов. Первый, переход от продажи сырья к производству ценности на собственной земле. Второй, отношение к ресурсу как к доверенному человечеству достоянию, которым распоряжаются ответственно, а не проматывают.

Технологическая суперсила

Технологическая суперсила даёт огромную власть, и потому особенно нуждается в этике. Технология, удерживаемая как монополия и оружие, раскалывает мир на способных и зависимых. Та же технология, разделённая по справедливым правилам, поднимает общий уровень и создаёт рынки там, где прежде была лишь нужда. Зрелость технологической державы измеряется не тем, что она умеет, а тем, чем готова поделиться без потери себя.

Духовная суперсила

Духовная суперсила, накопленный опыт работы с внутренним миром человека, принадлежит народам, сохранившим живые традиции созерцания, молитвы, медитации, ритуала. В эпоху, измученную тревогой и бессмысленностью, этот опыт становится остро востребованным. Опасность состоит в искушении превратить духовность в инструмент власти и принуждения. Дар её, напротив, в щедрой передаче практик покоя и целостности без требования обращения.

Образовательная суперсила

Образовательная суперсила состоит в умении выращивать людей, способных мыслить, чувствовать и создавать. Страна, овладевшая этим искусством, обладает неисчерпаемым ресурсом, поскольку человек, в отличие от недр, восполним и приумножаем. Вклад такой страны в мировую гармонию огромен. Передавая педагогические модели, она поднимает человеческий капитал всей планеты, а образованный мир воюет реже.

Экологическая суперсила

Экологическая суперсила принадлежит странам, хранящим лёгкие, лёгкие планеты, её леса, водоёмы, биоразнообразие. Долгое время эти страны несли бремя сохранения бесплатно, тогда как выгоду от чистого воздуха получал весь мир. Справедливая метасистема превращает охрану природы в оплачиваемый вклад, признавая, что хранитель леса оказывает услугу всему человечеству и заслуживает признания, а не нищеты.

Дипломатическая суперсила

Дипломатическая суперсила, искусство быть посредником, которому доверяют обе враждующие стороны, встречается реже золота. Ею обладают страны с репутацией нейтральности и сдержанности. В мостовом периоде их роль незаменима, поскольку любой переход рождает конфликты, а конфликты нуждаются в честном медиаторе. Дар такой страны в том, чтобы держать пространство переговоров, не обращая его в собственную выгоду.

Инфраструктурная суперсила

Инфраструктурная суперсила, владение узлами, через которые течёт мировая торговля, проливами, каналами, портами, кабелями, рождает соблазн брать заложников из тех, кто зависит от прохода. Превращение узла из пункта вымогательства в надёжный общий орган кровообращения планеты составляет зону трансформации таких стран. Надёжность здесь ценнее монопольной ренты, поскольку доверие к узлу повышает его ценность сильнее, чем шантаж.

Демографическая суперсила

Демографическая суперсила, обилие молодых людей, бывает и благословением, и бомбой. Молодёжь без перспектив рождает отчаяние и насилие. Та же молодёжь, получившая образование и дело, становится мотором обновления для всей планеты, стареющей быстрее, чем хотелось бы. Зона трансформации демографических гигантов лежит в превращении численности в качество, в инвестиции в человека.

Мифологическая суперсила

Мифологическая суперсила, обладание живыми мифами,

образами, архетипами, питающими воображение мира, кажется неосязаемой, но действует глубже многих материальных сил. Мифы определяют, что народы считают возможным и достойным. Страна, способная подарить миру новый вдохновляющий миф о сотрудничестве вместо мифа о вечной борьбе, оказывает человечеству услугу, не измеримую в деньгах. К этой суперсиле я ещё вернусь в части о психоархитектуре мира.

Часть IV. Практическое пособие для лидеров и культурных архитекторов

Эта часть обращена к тем, кто держит в руках самобытность народа: к государственным лидерам, к элитам, к деятельным людям, к культурным архитекторам. От Ваших решений зависит, останется ли идентичность живой и щедрой или окаменеет в защитную идеологию. Я предлагаю Вам различения, а не предписания, поскольку рецепт всегда принадлежит тому, кто знает свою землю изнутри.

Как сохранять самобытность, оставаясь открытыми

Распространённое заблуждение противопоставляет сохранение самобытности и открытость миру, как если бы одно достигалось ценой другого. Опыт устойчивых культур говорит обратное. Самобытность сохраняется не запираанием, а живым воспроизводством, передачей языка детям, поддержанием ремёсел, праздников, кухни, памяти. Открытость же не размывает крепкую идентичность, а испытывает её и закаляет. Размывается лишь то, что держалось на страхе, а не

на любви.

Как отличать живую идентичность от защитной закрытости

Живая идентичность узнаётся по нескольким признакам. Она уверена в себе и потому не боится соприкосновения с иным. Она способна меняться, не теряя ядра, заимствовать полезное, не стыдясь. Она измеряет себя собственными достижениями, а не унижением соседа.

Защитная закрытость узнаётся по противоположным признакам. Она тревожна и видит угрозу в любом влиянии. Она запрещает изменения, объявляя любую новизну предательством. Она нуждается во враге, поскольку без врага не знает, кто она. Когда Вы слышите, что некая культура спасётся лишь полной изоляцией, Вы слышите голос не силы, а испуга.

Что сохранять, чем дополнять, где расширяться

Сохранять следует ядро: язык, память, духовную традицию, отношение к земле и к предкам, неповторимый строй чувств. Перечисленное образует несущие стены дома, и трогать их означает рисковать обрушением.

Дополнять разумно теми приобретениями, которые уси-

ливают жизнь, не разрушая ядра: новыми знаниями, технологиями, формами хозяйства, способами лечить и учить. Дом достраивают, не снося фундамента.

Расширяться народу естественно в сфере вклада, а не захвата. Расширять можно своё присутствие в мировой культуре, науке, торговле, дипломатии, оставаясь в собственных границах. Такое расширение никого не пугает и всех обогащает.

Как не превратить традицию в разрешительную или разрушительную идеологию

Традиция здорова, пока служит жизни, и опасна, как только начинает требовать жертв. Грань тонка, но различима. Здоровая традиция вдохновляет и собирает. Идеология, выдающая себя за традицию, разрешает презирать чужих, оправдывает насилие, делит людей на полноценных и неполноценных.

Ответственность культурного архитектора состоит в том, чтобы удерживать традицию на стороне жизни. Удержать традицию на стороне жизни значит беречь её красоту и сопротивляться попыткам превратить её в оружие. Народ, гордящийся своей культурой, не нуждается в том, чтобы унижать другие, ровно как уверенный в себе человек не нуждается в унижении ближнего. Провокация конфликта во имя традиции почти всегда выдаёт не избыток силы, а дефицит,

и потому я призываю Вас распознавать и обезвреживать такие провокации в самом зародыше.

Часть V. Атлас стран мира

Атлас собирает страны мира в единую карту суперсил, самобытностей и ролей в общем переходе. Для каждой страны я обозначаю её живую идентичность, её суперсилу, зону трансформации в новой эпохе, роль в мостовом периоде, естественные дружественные связки и неповторимый символ. Писала я сжато и архетипически, избегая спорной статистики, поскольку задача атласа в том, чтобы увидеть вклад каждого народа, а не составить справочник цифр.

Северная Америка

Соединённые Штаты Америки

Идентичность. Цивилизация фронта и самоизобретения, где идентичность строится не наследием, а выбором.

Суперсила. Технологическая, финансовая и культурная гравитация планетарного масштаба.

Зона трансформации. Переход от роли единственного полюса к роли щедрого узла сети, отдающего больше, чем удерживает.

Роль в мостовом периоде. Технологический донор и гарант протоколов; страна, которой предстоит научиться силе без доминирования.

Дружественные связи. Канада, Мексика, Европейский союз, Япония, Индия, Австралия.

Символ. Открытая ладонь вместо сжатого кулака как новый национальный жест.

Канада

Идентичность. Страна простора и сдержанности, где многоголосие воспринимается как норма, а не угроза.

Суперсила. Ресурсная кладовая и зрелая модель миролюбивого многообразия.

Зона трансформации. Превращение природного богатства в дар планете и образец арктической ответственности.

Роль в мостовом периоде. Миротворческий посредник и хранитель Севера, переводчик между мирами.

Дружественные связи. США, Британия, франкофонные страны, арктические соседи, Индия.

Символ. Кленовый лист как знак спокойной щедрости.

Мексика

Идентичность. Живой мост между древними цивилиза-

циями и современностью, культура праздника перед лицом смерти.

Суперсила. Производственный коридор континента и биокультурное изобилие.

Зона трансформации. Из транзитной территории в самостоятельный центр смысла и созидания.

Роль в мостовом периоде. Связующее звено двух Америк и гастрономический посол мира.

Дружественные связи. США, Канада, Центральная Америка, Бразилия, Испания.

Символ. День мёртвых как примирение с конечностью.

Центральная Америка и Карибы

Гватемала

Идентичность. Хранительница майянского кода и горной памяти.

Суперсила. Культурный резервуар коренных цивилизаций и кофейная высота.

Зона трансформации. От периферии к роли духовного и аграрного центра региона.

Роль в мостовом периоде. Майянский голос и кофей-

ный посол.

Дружественные связи. Мексика, соседи по Центральной Америке, диаспора в США.

Символ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.